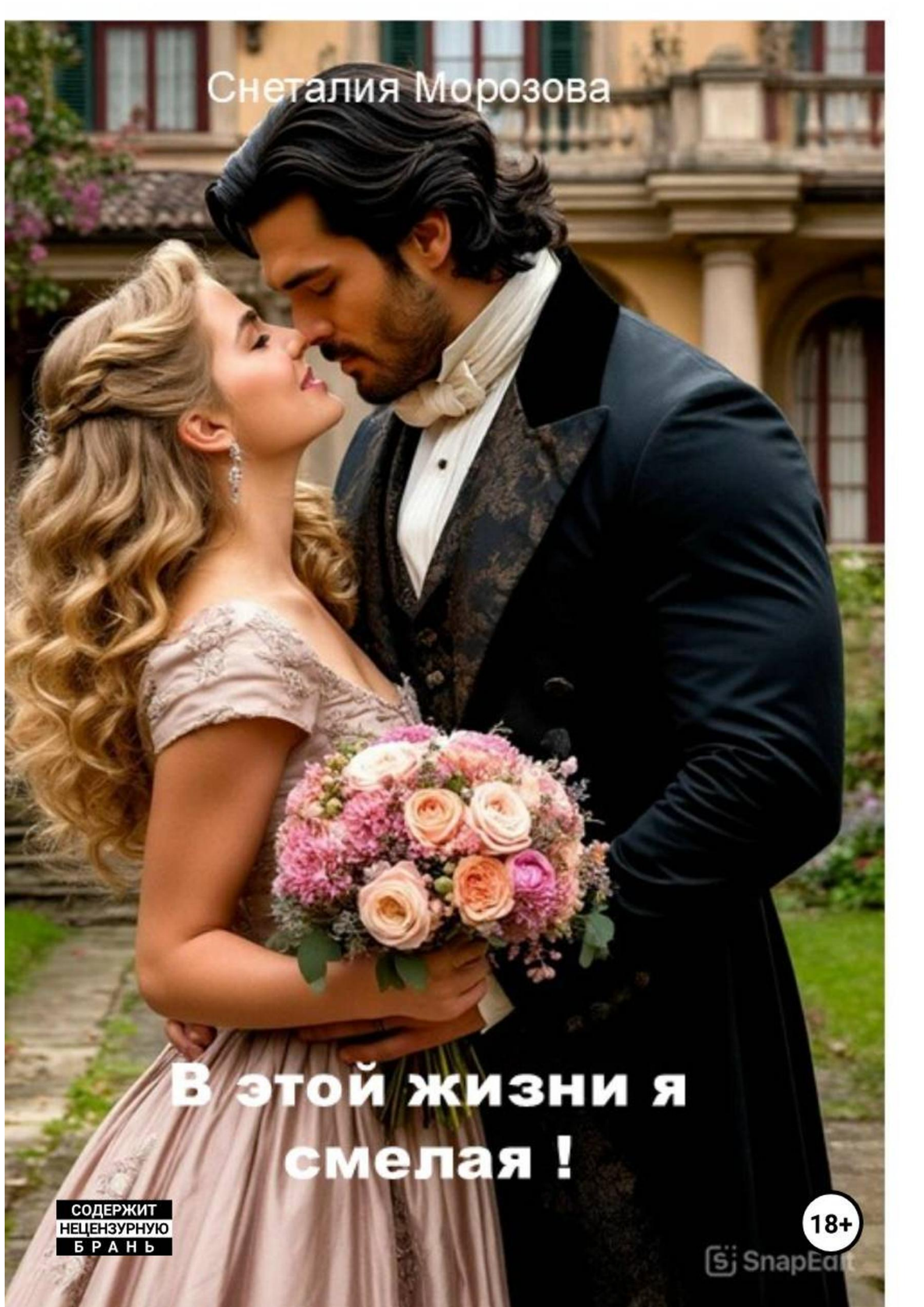

A romantic couple in formal attire. The man, with dark wavy hair and a beard, wears a black tuxedo with a white shirt and a patterned vest. The woman, with long blonde wavy hair, wears a light pink off-the-shoulder dress and holds a large bouquet of pink and orange roses. They are standing outdoors in front of a building with arched windows and a balcony. The text 'Снеталия Морозова' is at the top.

Снеталия Морозова

**В этой жизни я
смелая !**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

SnapEdit

Снеталя Морозова

В этой жизни я смелая!

«Автор»

2026

Морозова С.

В этой жизни я смелая! / С. Морозова — «Автор», 2026

История попаданки в магический мир. Надежда попадет в тело юной магессы, заменит умершую мать двум детям и станет женой взрослому вдовцу, сильному магу. История любви, где женщина построит свое счастье, растопит сердце мага. История о творчестве, раскрытии сексуальности, радости общения с детьми. В книге нет насилия, много эротики и любви, но она будет не сразу

© Морозова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	8
3.	10
4.	12
5.	15
6.	18
7.	21
8.	22
9.	27
10.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В этой жизни я смелая!

1.

Я сидела со стороны невесты - моей дочери за большим красиво наряженным и изысканно сервированным столом, рядом со своей доченькой, умницей моей, красавицей, Миланой, Милочкой, Мили, Лили, Лялей...

Мне сорок один год, Миле - двадцать два.. Когда выросла моя Бусинка? Быстро что-то уж очень, незаметно, да. Моя Булочка, моя Дудочка... Такая нежная... Смотрю на неё, так люблю её, так отпускать от себя не хочу, понимая, что надо, держу за зубами язык и не ною, зная, что буду выть первые месяцы без неё, не зная, куда себя деть, особенно по вечерам.

Взгляд упал на её отца, Аркадия Обровского. Что в нем осталось неизменным, так это то, что он чувствовал себя всегда и везде королем, не меньше. Гордился фамилией, что принадлежала к старинному дворянскому роду каких-то графьев, именем, своим образованием и должностью.

Сейчас Аркаше пятьдесят один год, такой же подтянутый, но лицо опухшее, покраснелся, танцует с молодыми. Оглядела его штаны модные, обтягивающие ляжки, с низкой посадкой, стрижку с побритыми висками и с хвостиком-пучком, стильные круглые очки. Закатал рукава, чтобы все видели его новую татуировку на предплечье, какая-то геометрия. Да, стареть ему не хочется, это видно, но мне по душе был отец Миши, моего зятя, ему почти столько же, что и Акрадию, но он достойно носил седину, а не подкрашивал, как мой бывший муж, был сдержан и мужественен.

Я вспомнила, как на первом курсе нам представили нового преподавателя экономики, успешного молодого доктора наук, что недавно закончил стажировку в Лондоне - Обровского Аркадия Савельевича. О, как мы все поплыли - девочки, конечно. Ему двадцать восемь было, умен, красив, харизматичен. В нашем педагогическом, где в основном одни девушки учились, преподавал экономику такой мужчина!

И на зачете он меня пригласил в кафе, отметить окончание сессии, я согласилась сразу, так как была влюблена в него уже по уши. Господи, дура - дурой. Ну, как говорит моя подруга Оля, такую Милочку сделать мог только Обровский.

Как он ухаживал! Нежно гладил руки, читал стихи, даже песню пел, смеясь над собой. А мне, юной, неискушенной молоденькой девушке хватило этого с лихвой, чтобы с головой пропасть, смотреть на него, открыв рот, верить каждому слову и плыть от любви.

Он на третьем свидании, жарко целуя меня в губы, покрывая легкими поцелуями шею, ключицы, вдруг резко остановился, сделал вид глубокого страдания и грусти, опустил глаза, явно борясь со своими чувствами.

Это сейчас я понимаю, насколько он играл комедию, вернее - трагикомедию.

- Что? – тихо вымолвила.

- Надюша, ты такая нежная, красивая, юная, прекрасная, я так тебя люблю, а уж как хочу...лучше тебе не знать даже.

И снова так страдальчески вздохнул, хрипло смеясь.

Сердце моё трепыхалось от восторга.

- Наденька, я женат, правда - брак формальный.

Я помню: стояла, как в землю вросшая, слушала.

- Мы с женой абсолютно разные, не любим друг друга, я в Лондоне стажировался, она тут была, ни поддержки, ни заботы. Я развожусь сейчас. Вот тебя встретил, любовь всей своей жизни.

Я кивала, веря, что жена его подлая, а я бы за ним, хоть на край света, я бы была, как жены декабристов, да, и в Сибирь, и на каторгу, и в ...Лондон.

Помню, обняла его, прижалась, жалея, а он гладил меня, шептал слова красивые про мягкость мою, девичью нежность, про волосы мои светлые натуральные.

- Надюша, сын у меня, ему пять лет. По молодости все было. Я разведусь, алименты, правда, платить буду, сын все же.

А я дура - душой. Нет, ну, не бежать, а хоть бы присмотреться, так я тут же подумала, какой он правильный: ребеночка не бросает, не укрывается от алиментов, честный, открытый.

Девственности меня лишил, в любви клялся, а я ему. Счастлива была, влюблена была. Свадьбу сыграли, и началась жизнь. Мне девятнадцать – и я мама. Маленький белобрысенький комочек счастья. Хорошенькая моя Милочка!

Аркадий по карьерной лестнице пошел, тётеньки- преподавательницы педвуза, в основном женщины бальзаковского возраста, почти все без мужей, обожали галантного Аркашеньку, души в нем не чаяли. Он через пять лет стал деканом ВУЗа, в тридцать четыре года.

А я гордилась! Муж – декан, дочка – мамина отрада. Бабушка с дедушкой души не чают в нас, жизнь, одним словом, удалась.

Я порхала, занимаясь домом, с радостью готовила: утром - завтрак, желательно, разный всегда, ужин - легкий и сытный, рубашки у мужа - всегда свежие, дома - чистота и порядок. И так мне это нравилось! Я балдела, ведя такой образ жизни.

И не обращала внимания даже, что секса совсем не стало у нас, редко сначала, а потом и совсем ушёл из жизни нашей.

- Аркаш, ты устаешь так сильно, даже близости у нас нет? – помню стояла перед ним после душа в тоненькой прозрачной комбинации, можно сказать, выпрашивая нежности и ласки.

- Надюш, работы много, ага. Надь, а ты с лобка волосы убери все, шугарингом, например.

- А он не хочет у себя ничего удалить? Надь, откуда он про шугаринг знает? – ворчала моя Оля, когда я попросила её дать мне телефон салона, куда она постоянно ходила.

- Ну, читает может.

- Ага, больше почитать не о чем декану, бля. Ну, ладно, пошли, в салон тебя свожу.

Ну, пару раз он меня потискал по гладкому лобку, быстро трахнул, и опять работа затянула моего Аркадия.

Помню тот разговор, который мне глаза и открыл, очки розовые мои снялись сразу, повзрослела вмиг.

- Надя, Милана уже в первом классе, большая. Ты очень хорошая, заботливая, мы с тобой семь лет прожили.

- Аркаш, что случилось-то?

- Надя, я полюбил другую женщину. Говорю тебе честно, признаюсь, буду алименты платить, Милу не обижу.

Я не ожидала этого вообще, тихо стала сползать по стулу, чувствуя, что мир рушится, казалось, что я ослепла и оглохла одновременно.

- Надь, ты чего? Дыши! На, воды. Ну, в восемнадцать ты была скромная и тихая, сейчас-то пора и роковой становиться уже. А ты, что думала, я без секса могу? Это ты вся в хлопотах, тебе не надо - бывает такое, а мне всегда надо. Да, меня всегда твоя скромность и застенчивость поражали, а сейчас, в двадцать шесть уже и женщиной пора становиться. Я тебя в платье не видел лет сто уже.

- Так у меня работа какая, дети с ограниченными возможностями, знаешь же сам. Я же логопед, Аркаш, с ними ползаю, джинсы и футболка – моя одежда рабочая. Они же маленькие. Да, ты меня пригласи в ресторан, я платье и надену. Аркаш, хочешь, хоть сейчас?!

Помню: соскочила, нацепила платье розовое, что купила на день рождения Оли, вышла к нему.

- Ну, сейчас-то зачем? Бог ты мой, душенька, не расстраивайся так.

- Любишь другую?

- Да, Наденька, вот сердцу не прикажешь, сама же знаешь.

Я, кажется, умирала тогда медленно и правдиво. В голове шум, даже орать не могла. Тихо плакала. Казалось, что мир рушится, а жить зачем-то надо.

- Ты уйдешь от нас?

- Надюш, квартира у нас огромная, зачем вам с Лялей четыре комнаты, кабинет мой – зачем, разменяем, вам двушку хорошую подыщем, а я в ипотеку зайду, надо жилье брать.

- У тебя будет ребенок? – я помню, что спрашивая, почему-то знала ответ.

Все повторялось, как семь лет назад, но не со мной сейчас, а с кем-то, а я – та жена, с которой брак формальный, да.

- Студентка?

- Да. Надя, на оба вопроса – да.

Я собрала быстро дочь, уехали к родителям. Жили у них три месяца, он сам вещи перевозил свои, искал покупателей на квартиру, мы лишь с мамой и Олей приехали посмотреть квартиру из трех предложенных, выбрали.

- Может, правда, платья купить и на работу носить? – тихо сказала я, идя к метро.

- Не в платьях дело, Надь, кончай нить, вон, Юлька Тихонова всю жизнь в джинсах, её муж на руках носит, школу ей открыл, я ей телефон твой дала, ты хотела подработку, пойдешь к ней.

Мы с Олей познакомились в институте, с нами на дефектолога училась Юля Тихонова. Ей муж купил студию. Она наняла логопедов, дефектологов, психологов, я стала у неё по вечерам три раза в неделю подрабатывать, зарабатывая в разы больше, чем в муниципальном детском саду.

Как впряглась, так и работала. Мы с Милой жили хорошо, спасибо маме и папе, скучать внучке не приходилось, они водили её и в художку, и на танцы. Раз в год отдыхали мы с дочкой на морях, ни в чем себе не отказывая.

А месяц назад Мила получила диплом бакалавра, тут же поступила в магистратуру, будущий архитектор. Моя лапуля...

Задержала взгляд на бывшем муже. Отплясывал с молодежью, морда красная, волосы из жидкого хвостика выбились.

«Божечки мои, хоть бы кони тут не двинул, на свадьбе-то у дочери».

- Надь, как бы твоего экс-мужа кондратий не хватил, поверил в себя пенсионер, - подсела ко мне Оля.

Мы начали ржать.

- Молодежь шарахается от него, бля, танцы – не его конёк, - мы без зазрения совести смотрели на отца невесты и гоготали.

- Девочки, хорош, неудобно, - мама моя подсела к нам, пряча улыбку.

Мы все знали, что Аркадий год назад женился четвёртый раз, как всегда, по любви и на студентке юной, у него недавно родилась дочь.

Я уже отболела давно и измену, и уход его, и сейчас он казался мне совсем не тем мужчиной, в кого я была влюблена, да, и уже тем более не тем мужчиной, с кем бы я хотела жить сейчас.

- Ладно, что хорошо у него получается, так это дети, два сына и две дочери, пусть дрыгается, - сказала мама, качая головой, явно жалея его.

Мы смотрели на молодящегося взрослого мужчину, и я ощутила, что мне будто стыдно за него, да.

2.

Скоро мне произносить речь молодоженам – материнское напутствие, ведущая уже кивнула, чтобы родители готовились. Я скинула балетки, опустила ступни в лодочки на шпильке, что стояли под стулом моим. Представляю глаза дочери, когда она услышит мои слова...не разреветься бы с первых слов. Что буду плакать - сомнений не было, продержаться бы чуть-чуть, а не захлюпать сразу, ещё под музыку задушевную. Уффф...

Три дня назад Оля позвала меня в нашу с ней любимую кофейню, там за столиком сидела и мама... неожиданно.

- Таааак, кто-то заболел? Нужны деньги? Папа? Макс? Онкология у кого-то?

- Надя, а позитивные мысли тебя не посещают при виде мамы и лучшей подруги, а? – Оля закатила глаза.

- Нет, только эти полезли. Ну... и по лицам вижу, что позитивом не пахнет. Мам? Оль? Что стряслось?

- Сядь, а! – шикнула подруга.

- Доча, ты главное сначала всё взвесь, а потом уже будешь думать, что да - как.

- Давайте сразу тогда, без лирического вступления, итак, сердце уже в пальцах стучит.

- Мила и Миша, - начала мама.

- Беременны? - я не выдержала, но видя, как Оля закатила опять свои глаза с нарощенными ресницами, выдохнула, замолчала.

- Доча, Надюш, Милана и Михаил улетают после свадьбы в Турцию.

- Ну, знаю я.

- Ну, это не совсем свадебное путешествие.

- Так! – я рыкнула. – То, что все знают, кроме меня, уже бесит невероятно, ещё и клешнями из вас вытаскивать приходится.

- Короче, - Оля выпрямила спину, – зная твою привязанность к дочери, Мила тебе боится сказать. У Миши контракт на пять лет, жить они уезжают туда, а не в путешествие. Ему предложили хорошую инженерную должность по специальности на атомной станции «Аккую», находится она на юге Турции, в провинции Мерсин, на берегу Средиземного моря. Главный застройщик – наша российская госкорпорация «Росатом», запускают четыре энергоблока, Миша – ведущий инженер. Им квартиру там дали, правда однокомнатную пока.

Я расплакалась тут же.

- Я так и знала, - мама махнула рукой, - после этого кобеля отходила год, и сейчас.

- Да, не, - теперь я махала руками, - я рада, я так рада, просто, чё она так выросла быстро-то?

Оля подскочила, давай меня обнимать.

- Фу, думала, тяжелее примешь.

- Я догадывалась, уж больно много шмоток Ляля в путешествие собрала. И кофты, и кроссовки, и...

Опять расплакалась, так жалко себя стало, одна буду.

- Мил, тебе мужика надо, - Оля не оставляла попыток.

- Да, проходили уже, да и когда мне встречаться, хотя времени сейчас...

Я вздохнула, понимая, что надо принять уже, что дочь выросла, у неё своя семья, своя жизнь, что я уже взрослая женщина, но не старая, довольно симпатичная.

- Доча, ещё, ты это...

- Мам, говори!

- На жалость не дави, а то Лялька тебя к себе возьмет, а жить с родителями, это не..

- Mam, ты из меня дуру истеричную-то не делай, не собираюсь я с ними жить, совсем что ли.

Мама опять махнула, полезла обниматься со мной.

Мы заказали вкусный десерт, что проглотила я одним жевком, не помня ни вкуса, ни запаха, ни цвета, запили кофе, а дома я всплакнула еще немножко и от радости и от упущенных возможностей. Вспомнила, как предлагал встречаться Паша – отказалась, потому что Мила подростком была, не хотела я мужика в дом тогда, вспомнила, как должность заведующей в саду предложили – тоже отказалась, понимая, что ребенку столько уделять времени не смогу...

- А может, все правильно я сделала, однозначно - правильно.

Уже дома, перед сном, встала перед зеркалом, вглядываясь в своё отражение: волосы светлые, глаза голубые, фигура обычная: не толстая и не худая, аккуратная. Смотрела в зеркало и говорила своему отражению:

- Каково это быть единственной любимой, интересно... Чтобы всю жизнь прожить душа в душу, взрослеть вместе, путь пройти вместе – наверное, это очень круто. И нереально, похоже... Бывают женщины роскошные, «светские львицы», а я – не она, я – не львица, и уж точно никакая не светская. Я кошка, не облезлая, конечно, а просто домашняя кошка, любящая дом свой, уют, чтобы гладил кто-нибудь время от времени по животику, чесал за ушком, я бы ласкалась, мурлыкала. Мне по душе простые вещи, простая еда, я кайфую от этого, и так хочется, чтобы и мужчина видел во мне кошку, именно её, без ожиданий и претензий, и любил кошку, а не львицу, тигрицу.

Выплыв из воспоминаний, я вышла в центр зала, сказала, что люблю дочь безмерно, что желаю Милане и Михаилу любви, счастья и удачи на новом месте в новой стране. Сказала, что рада за них очень и горжусь ими.

Милана подскочила, закружила меня, видно, и ей тяжело было. Девочка моя...

Через час по видео связи на огромном экране поздравлял Милу и Мишу мой брат младший – Максим, они с женой в Швейцарии живут, через месяц Катя, его жена, родит дочку, не рискнули лететь.

- Племяшка!...

Максим говорил что-то веселое, вспоминая Милку маленькую, потом школьницу, как он сидел с ней, стеснялся гулять с коляской, а потом гордился и хвастался...

Когда я родила, Максу было девять лет. Сейчас братишке – тридцать один... врач.

Я тихо плакала, давая волю слезам, кстати, не одна я: мама моя, Катя по ту сторону экрана, Оля, Милана растрогались тоже.

3.

Месяц после свадьбы пролетел. Я думала, будет намного тяжелее, но, набрав коррекционных занятий побольше, включилась в свою работу. Домой приползала, словно выжатый лимон, предельно уставшая, совсем без сил.

Каждый день созванивались с Милой, дочь счастлива, это было видно, а больше и желать нечего.

- Надь, к нам юрист перевелся из Питера, ему сорок пять, разведен, пока ничего подозрительного и отпугивающего не обнаружено. Короче, сама ты палец о палец не ударишь в этом направлении, придется мне. В следующую пятницу в ресторане «Восток» у нас небольшой корпоратив по случаю сделки, ты придешь тоже, за соседним столиком будешь, мы с тобой случайно там встретимся, я тебя переманю к нам...ну, а там уж...все взрослые, а вдруг?

- Давай. Оля, ты тут?

- Я в шоке! Ты согласна??? В четверг в салон, в пятницу идем на дело. Бля, чувствую, что-то должно случиться!

Я сама не ожидала, что так легко соглашусь. Ну, а что теряю-то? А в пятницу за книгами или сериалами сидеть – уже наскучило.

На выходных была у родителей, мама ягоду сушила, к Максиму летят с отцом, будут там жить несколько месяцев. Максим им квартиру снял рядом со своим домом, мама помогать будет Кате с малышкой.

Мы с мамой на кухне сушили яблоки, малину, клубнику, абрикосы, киви, даже бананы.

- Мам, зачем ты это всё повезешь туда? Они живут в достатке.

- Доча, а как без гостинцев? Максим попросил орешков с вареной сгущенкой сделать, такого там нет. Вот сделаю огромный мешок им.

Я видела: маме это доставляет огромную радость, улабалась тоже, резала на кусочки киви, раскладывая на сушилку.

- От вас так вкусно пахнет, прям детство вспомнилось, - решил поговорить со мной таксист.

«Хорошо, что ещё бабушку не вспомнил, глядя на меня», - я тактично улыбнулась молодому водителю в зеркало заднего вида, не начиная диалога.

С пакетом, который благоухал сушеной полезной и сладко пахнущей вкуснотой зашла в свой подъезд.

«У всех своя жизнь, цели, планы, надо и мне что-то замечать...».

Уставшая, втянула носом запах, что шел от волос - сладко, уловила яблоко, улыбнулась, быстро уснула.

До среды работала на двух работах, на четверг и пятницу взяла отгулы, и мы с Олей пошли наводить красоту.

- Хорошооооо, - мурлыкала под руками волшебниц салона красоты.

Мы пили чай, тело, благодарно разомлевшее от приятных процедур, растеклось.

- Оля, знаешь, не хочу впечатления производить, из кожи лезть, хочется в глаза посмотреть и понять – он!

- Ага, начиталась сказок, что там в глазах увидеть хочешь? Карлису сорок пять, сто пудов в линзах, а ты...

- Кому?

- Карлису Апинису, латыш он, отчество не использует.

Я ржала, как кобыла, на весь салон, кажется, даже хрюкала, давась чаем.

- А..пенису?

- О!!!! У тебя уже от недостатка в каждом слове члены слышатся, Надька.

Я хохотала до слез.

- Латыш! Ну, где латыш с их медлительностью и рассудительностью и я, детский логопед, на двух работах, я медленно не умею жить, Оль?

- Научишься, завтра только не гогочи так в ресторане.

- А что? Апенис ваш не оценит?

- Надь, ну, да - он своеобразный, но начитанный, воспитанный, галантный, кажется, четыре высших образования.

- Оль, начитанный у меня уже был и воспитанный, доктор наук, заметь, всё меня «душенька» да «душечка» называл, идеал у него был тургеневской девушки – романтическая, добрая, и юная, конечно. Ой, ладно, посмотрим на твоего Карлсона Апениса.

Тут Оля уже не удержалась, смеясь:

- Как бы мне случайно теперь так не назвать его.

4.

Отключила будильник на телефоне и дальше спать, да с таким кайфом...mmm...

Сегодня пятница, Оля мне забронировала столик в «Востоке», надо делать вид, что случайно встретились мы с ней, не спалиться бы, буду хихикать или переигрывать. Я улыбалась, испытывая глубокую признательность и любовь к своей подруге, мы дружим больше двадцати лет, я крестная её старшего сына, Андрюшки, ему двадцать один год уже. Мы столько вместе прошли, да, что там говорить – целую жизнь с ней, дааа.

По карнизу застучали капли. Дождь...сегодня по прогнозу целый день осадки. Как же хорошо валяться в постели, под звук дождя, да еще и в рабочий день.

Попросила «Алису» включить песни о любви, запел Алекс Лим своим глубоким баритоном:

Мне бы молодость с тобой провести
Мне с тобою бы встретить старость
Мне бы хвастаться о нашей любви
Бесконечной и всем на зависть
Мне бы в счастье с тобой окунаться
Мне бы в страсти огня сгорая
День изо дня убеждаться
Что ты лучшая. Ты неземная...

Протяжно вздохнула и вслух произнесла: Ангел мой - хранитель мой, ты всегда со мной, спасибо! Я верю в тебя! Разве я не достойна такой любви? Я даже смелее буду, научилась уже! Так хочу! Подари мне, Ангел, любовь, чтобы в страсти огня сгорать, чтобы мной восхищался мужчина, чтобы любил, чтобы я отзывалась на него, чтобы тоже сгорала в любви...да.

За окном загромыhalo. Вдруг огромная яркая молния осветила небо, сопровождаемая мощными ударами грома.

- Ох!

Я соскочила с кровати, подбежала к окну: ливень стеной и кричащие сигнализации стоящих во дворе машин.

Я увидела сквозь пелену дождя пекарню в соседнем доме, вспомнила, какие там потрясающие круассаны, представила, как в постели ем хрустящий нежный большой круассан с карамельной начинкой, запивая изумительным капучино.

Так быстро я не собиралась давно, себя не узнавая от такого спонтанного и сумасшедшего решения.

Джинсы, толстовку, сверху накидку целлофановую с капюшоном и я готова!

«Хорошая вещичка, купили с Миланой года два назад на экскурсии в Таиланде», - говорила сама себе, застёгиваясь на кнопки.

Достала с верхней полки шкафа резиновые сапоги и рванула, предвкушая гастрономический рай в ближайшие полчаса.

От моего подъезда до соседнего дома метров пятьсот, а, если срезать через дорогу, камер тут нет, то метров двести всего, я выдохнула: вижу цель - теплый свет в окнах пекарни - даже почувствовала запах выпечки.

Осмотрела дорогу, машин мало, практически нет. Ссутулившись под огромным зонтом, пожилой мужчина выгуливал большого пса, тот топал по лужам, явно кайфуя.

Я высунула руку из-под козырька подъезда своего, дождь был не холодный, только сильный, сплошной.

Видя лишь витрину своего круассанского рая, втопила, не глядя по сторонам – все равно никого нет, все пережидают дождь такой, только по нужде несутся. Засмеялась про нужду, прыгая по лужам, ловя плечами поток дождя.

Бежала, ощущая азарт и какое-то детское веселье, и вдруг сильный удар в правый бок, тело моё подлетело высоко, как пушинка, почувствовала воду на лице и удар головой о бордюр, упала... больно. Очень больно. Темнота. Ничего не болит. Кругом так тихо: ни дождя, ни машин, ни городского шума.

Открыла глаза, я в белой комнате, стою в центре помещения светлого и пустого, попыталась сделать шаг, поняла, что нет земли под ногами. Я плыву.

- Привет! – голос нежный и такой заботливый зазвучал в тишине.

А в этом голосе столько любви, ощутила что-то родительское в нем, захотелось к говорившей прижаться. Голос женский, добрый.

Повернулась на него, в углу женщина в просторной длинной одежде, как балахон, свободные её одежды переливались от нежно-голубого, розового, до теплого желтого и белого. За плечами два огромных крыла – ух ты!

Мысли, нет - одна мысль – догадка в голове застучала: я умерла.

- Да, моя девочка, да, прекрасная душа, твоё физическое тело от удара сломалось.

- Кааак?

В голове Милана, Оля моя - будет ждать меня сегодня в ресторане, мама, папа...они же сойдут с ума, они же не переживут горя такого.

Я заплакала.

- Меня сбили что-ли?

- На машине мужчина, совсем не ожидал, что выскочит женщина в неположенном месте, увидел уже в последний момент, затормозил, но дождь...удар произошел виском о высокий каменный бордюр, что повлекло мгновенное кровоизлияние внутри черепа. Ты пролежала в коме почти сутки, врачи, если бы и спасли твоё тело... на ноги бы ты уже не встала.

- О! Как Милана, мама...Оля, папа...- я стала вспоминать всех, кого знала, понимая, каково им...тяжело им, да, очень.

- Простите, - я заплакала.

Душа моя плакала. Я жалела, что зачем-то побежала в непогоду. Я жалела о своем поступке, таком безрассудном, глупом, такая нелепая бестолковая смерть...из-за круассана.

- Ты все лучшее сделала на Земле, прекрасная душа. Вырастила замечательную дочь, была сама хорошей дочерью и подругой.

- Мало...

- У каждого свой путь. Хочешь порадовать тебя?

Я кивнула.

- У Миланы будет трое детей, две дочери и сын, они с Михаилом проживут долгую и счастливую жизнь. Будут часто вспоминать тебя, рассказывать детям.

- Я не увижу внуков, - представляя их в своей голове уже, сердечно любя.

- Родители твои переедут к сыну, будут растить внуков, у брата твоего будет четверо детей.

- Ого-го...кто бы мог подумать, он от новости о первой беременности отходил долго.

- Да, он будет чудесным отцом, откроет клинику свою. Твои родители будут с ним до конца своих дней в окружении внуков и правнуков. А у Ольги – твоей подруги - через три года родится внучка, твой крестник Андрей станет отцом, девочку назовут Надеждой.

Во мне какая-то нерастратченная любовь заплескалась, забурилась, захотелось всех этих детей увидеть, быть им полезной. Нужной.

Ангел улыбалась, а моя душа плакала.

- Ты такая красивая, - только и вымолвила я.

- Ты видишь то, какая ты сама, что в тебе – то и отражаешь, во мне нет тела.

- Аааа...

Я грустила...нет, не так - я ощутила вдруг такую красоту своей прожитой жизни, она была обычной, самой обычной, без умопомрачительных путешествий и смелых решений, но! без тяжелых болезней близких и родных, без нищеты и нужды, да. Даже Аркадию я была очень - очень признательна...

- Аркадий женится еще два раза, у него в общей сложности будет три сына и три дочки.

Я хихикнула, совсем не удивляясь.

- Он проживёт очень долгую жизнь, покинет её в окружении детей. Дети все его любят.

- Это да, - я кивала.

- Он напишет книгу о женщинах...посвятит её тебе.

Я этому тоже не удивилась почему-то, мне всегда казалось, особенно в первые годы брака, что я любила его так, как не полюбит не одна другая...

- А тот мужчина, что сбил меня...Я виновата ведь.

- Он спешил к девушке, все у него в порядке, он испугался очень, по видеорегистратору посмотрели, его оправдали.

Я закивала.

- Ты просила любви и страсти, добрая душа.

Я уставилась на Ангела.

- Это всё сделала я сама?

Ангел пожала плечами, улыбнулась.

5.

- Твою душу сейчас отпевают, а в мире Дамакии одна милая девушка через некоторое время упадет с дерева, несчастный случай, любопытство лишь её сподвигнет залезть так далеко за сладкими плодами. Но на все воля Всевышнего, Творца, твоя душа попадет в тело этой милашки.

- Хаа...гмм, - вырвалось из меня лишь что-то нечленораздельное.

«Что за реинкарнация?»

- Её старшая сестра умерла, болела долгих три года, остались двое детей, воспитай их, у тебя талант, ты умеешь с детьми быть и строгой, и доброй, быть на их уровне в нужных моментах, но и держать дистанцию, не опускаясь до панибратства.

- А отец у них есть, бабушки, тети?

- Отец есть, сильный маг, граф, ты выйдешь замуж за него. Растопи сердце его, познаешь страсть, быть может. Ну так что, в Дамакию или в рай небесный, добрая душа?

- Я выйду замуж за мужа своей старшей сестры? Ему что все равно, с кем жить?

- Там другой мир, другие нравы, ему не всё равно, причина такого брака - дети...

- Он нормальный? Не злодей, не психопат?

Ангел засмеялась.

- Милая моя! Я твой ангел, я тебе никогда не предложу плохого, никогда.

- Прости. Я согласна, сколько детям лет и ...

Не успела договорить, Ангел подлетела ко мне, взяла в свои теплые объятия поцеловала меня. Мне захотелось прижаться к ней, от неё шла такая нежность и благодать, но она исчезла. И передо мной возникла земная женщина. Очень красивая, одета как королева из сказки.

- Ангелы говорят не со всеми, просят не за всех, тебя избрали, - голос был деловой, властный.

Я притихла, захотелось сделать шаг назад, отстраниться.

- Благодарю, - вымолвила.

- Дамакия – мир магии – мир бытового волшебства, чтобы тебе, душе технологического мира, было понятнее. Магия у жителей в крови, это то же самое, что у землян - характер.

В Дамакии у каждого жителя свой уровень магии, но у всех она есть.

Кто-то может управлять огнем, а кто-то лишь подогреть суп взмахом пальцев.

Кто-то подкладывает сгнившие овощи в середину ведра, чтобы продать, а кто-то шепчет заклинание, и овощи остаются долго свежими.

В Дамакии, например, есть пекарь-чародей, ему триста лет, и его хлеб поднимается не из-за дрожжей, как у всех, а потому что он напевает древний гимн зерну, эти заклинания передал ему отец, а отцу - его отец. В этом их магия, их сдоба сама поворачивается в печи, чтобы равномерно пропечься, и за его выпечкой выстраиваются очереди.

А еще в Дамакии есть портниха Иглиция, она шьет платья, которые подстраиваются под фигуру, дыры зашиваются стоит лишь Иглиции их вежливо попросить, шучу, она знает заклинания, у неё магия такая.

Есть садовник Зеленей, его розы цветут круглый год, но вянут мгновенно, стоит цветам услышать грубое слово. Некоторые мужчины так проверяют своих избранниц: доброе ли у них сердце? А еще у него в саду тыквы вырастают в форме лиц прохожих, кто слишком много ворчит, и трава в его саду отползает в сторону, если по ней хотят пройти с дурными мыслями.

- В этом мире все волшебники?

- Нет, я назвала тех, кто сильный, их единицы, остальные жители – обычные бытовые маги, которые умеют вскипятить воду; продеть нитку в иголку без рук; закрыть дверь, не вставая с места; починить глиняную чашку; заговорить светильник на несколько минут, чтобы он

завучал голосом матери и пропел колыбельную малышу перед сном; не опуская в таз рук, постирать белье, прополоскать потом; смазать замок, не подходя к нему; придумать микстуру об облысения; использовать магию в поиске пропавшей вещи и так далее. Бытовые маги по сути своей – маги хлеба, соли и теплых ночей, используют свою магию для счастья.

От злых магия прячется, любит она добро. Есть злое колдовство, но лучше тебе об этом не знать пока.

Есть маги великие – у них и чары великие, это короли, лорды, графы.

Как говорят обычные маги: ложка, которая сама мешает суп, важнее посоха, разбрасывающего молнии.

У магов есть любимое выражение: самое главное – договориться со своим домом, чтобы тот не скрипел по ночам.

- А дом может сам по себе...

- Это же магический мир, да. Самодвижущие метлы, горшки, что не пригорают, ножи, точащие сами себя, гвозди, что у хорошего мага никогда не гнуться, платья, меняющие цвет по настроению хозяйки, носки, находящие пару, хлеб, никогда не черствеющий, но, если его не делить с голодным, превращается в камень, вино, забывающее своё опьянение на утро, зато может вспомнить его в самый неудобный момент, рукопожатие, заставляющее говорить правду, письма, сгорающие, если адресат мертв, двери, не пускающие лжецов, но, если у мага искренние заблуждения, они просто захлопнутся перед его носом, зеркала, показывающие не отражения, а то, что ты потерял, иногда это предмет, иногда – маг, а иногда собственное детство, чай, заваренный из снов, если выпить пред сном, то можно попасть в чужую память.

Я испугалась. Как жить в мире, где всё непредсказуемо?

- Дамагия – мир магии, здесь не логика. Здесь магия! Надо предчувствовать, понимать, ощущать, чувствовать надо.

- Как всё это можно почувствовать?

- Ты сможешь. На мой взгляд, тяжелее в вашем мире, где надо всегда думать: как включить воду, починить кран, завести, отключить – сплошная наука, и без знаний ты пропал. В мире Дамагии – чувства. Дом магический тоже чувствует, помни об этом. У черствого и злого мага и дом такой же. Доброму там плохо, неудобно, стены давят, а в своем доме ты хозяйка, и если вы любите друг друга – он поет с тобой, танцует, он живой, он помощник. Вы – одно целое. Ты попадешь в дом, что тоскует без хозяйки, плачет, там умирала женщина от тяжелой болезни.

- А магией нельзя лечить?

- Нет. Магия не действует на дела сердечные, не лечит, не спасает, она помогает, делая жизнь легче, счастливее.

- Как понять злую магию, чтобы обезопасить себя?

- Существуют, например, обменные ритуалы: отдать голод в обмен на красоту, но тогда вокруг тебя будут все постоянно хотеть есть, или продать смех – но тогда никто не сможет рассмешить тебя, даже собственный любимый ребенок, можно заклинять время, например, ускорить старение – чтобы сыр созрел за час, но, если чуточку переборщишь – состаришься сам, можно повторить день, чтобы его изменить, но однажды дни могут перемешаться.

- Я поняла. Магией нельзя играть.

- Умница. Магия – соль земли, суть мага, без неё пресно, но, если переборщить – все испортишь вмиг. Лучшее закливание то, которое незаметно: доброе дело, чуткое сердце и тихий поступок от души, настоящие сильные маги – не носят плащей, они носят засаленные фартуки, они труженики, используя свои чары в крайних случаях, помогая себе и своим близким. Самое главное – не выучить закливание, а не злоупотребить им. Сильные маги управляют Дамагией, им подвластны явления природы, огромные мастерские и заводы, и им подвластны

магии других. Но и они знают, что на их силу всегда может найтись сила больше, умные маги не кичатся своей магией.

- Оооо! Я буду маг?

- Да. Магесса.

- Что я буду уметь?

- А что ты хочешь?

- Хочу, чтобы дом, где я буду жить, меня полюбил и признал хозяйкой, дети полюбили, ну, и их отец, наверное, тоже, и я чтобы полюбила свою семью.

Женщина улыбалась, глаза её искрились. Она преображалась, становясь из властной, обычной. Располагающей.

- А в бытовом плане, что хочешь делать с легкостью?

Я пожала плечами, не представляя, как мешать суп, не держа ложку, или стирать в тазу, не трогая руками. Смысл?

Вспомнила слова бывшего мужа про платья и выпалила:

- Одежду руками создавать... всем.

- О, неожиданно, ладно.

- Лааадно? Так просто.

- Но тогда тебе совет, пользуясь такой магией, одевайся не как жена: удобно и практично, серо и тепло, а как любовница. И я не про мужа, я про Дамагию. Соблазняй этот мир, флиртуй с ним, очаровывай его, как я, его Богиня, и тогда не только твой дом, Дамагия полюбит тебя.

Я открыла рот.

- Душа добрая, совсем скоро ты попадешь в тело Надии, с этой минуты у тебя новая жизнь, ты сама себе хозяйка, своей магии, своим чувствам, помни: когда ты довольна, легка и спокойна, ты притягиваешь Любовь! А самая наивысшая магия – магия любви!

- Еще! Можно мне смелости?!?! Смелости хочу! Пожаааалуйстааа...

Богиня рассмеялась, исчезая в дымке.

6.

Дамагия.

- Генри, где Фред?

- Он с Фимусом убежал.

- Эти Фимусы до добра не доведут, Фред всё чаще сбегает с уроков, ему двенадцать всего, стал скрытным и настырным, мать им надо. Как Софи? Сегодня завтракала?

- Поклевала как птичка. Вы бы ночевали дома, Бернар, простите, конечно, но Литиция грубовата, Софи боится её.

- Генри, сам же знаешь, дом хотя бы не стонет и не скрипит от Литиции, как от других горничных.

- Бернар, вам жениться надо, может, снова поискать вам пару, как тогда - Ирми нашли. Хорошая добрая магесса, детей прекрасных вам родила.

- Да, Ирми была доброй, с ней моя магия, по крайней мере, просто молчала, была спокойной.

- А ваша Тамила?

- Генри! Она не моя! – граф так посмотрел на дворецкого, что тот понял всё. – Она лишь годна для одного, хотя ей, конечно, хочется быть графиней. Но она не мать, не хозяйка, и уже тем более не жена...

Граф вздохнул, опираясь руками о колени, поднялся.

Генри округлил глаза, словно ему открылась новая сильная магия, выкрикнул:

- Бернар, у Ирми же есть сестра! В Дамагии существует закон, по которому вдовец может взять в жены сестру жены, чтобы магия детей развивалась правильно.

Бернар опять сел, сдвинул брови.

- Она же маленькая. Когда мы с Ирми поженились, ей было лет пять-шесть, как Софи сейчас, помню её. Да. Белокурая, голубоглазая, малышка-магесса, шустрая.

- Сейчас-то она выросла, пусть поможет, а там и развестись можно, если не уживется.

- Генри, узнай, пожалуйста, о ней всё, родителей у них нет, жили с бабушкой, Ирми не говорила о сестре - разница у них очень большая в возрасте, да и отцы вроде разные, а я и забыл с болезнью жены, что у детей тетя есть. Где жила она все эти годы? Чем занимается сейчас? Может, замужем уже?

Дворецкий - взрослый статный мужчина, ста семидесяти лет, сильный бытовой маг - кивнул, отправляясь на поиски Надии Ивар.

Граф подошел к окну, провел широкой ладонью по деревянной раме, словно жалея его, успокаивая.

Этот дом помнит всё. Граф вырос здесь, мама пела песни, и они танцевали с ней под аккомпанемент отца. А юношей Бернар любил наблюдать за родителями, как они танцевали, целовались, смеялись. Играл тихо рояль сам, отец мысленно магией воспроизводил мелодию, клавиши попевали за его магией, лилась музыка, мужчина и женщина двигались в танце.

Его родители были предназначенной парой. Такое бывает очень редко среди магов, но случается, это когда магии синхронизируются, переплетаются, получая от партнера силу и мощь, даря наслаждение друг другу. Они встретились уже в зрелые годы, отец служил при короле и на балу встретил её, пригласил танцевать, и стоило рукам соприкоснуться – они поняли все.

Отец построил дом. Дом ожил - пел с женщиной песни. Когда хозяйка пела песни сыну или от хорошего настроения, все дверные ручки становились теплее, цветы в саду распускались мгновенно и держали бутоны очень-очень долго.

Тридцать лет назад их не стало, ушли в один день, и дом опустел.

А тринадцать лет назад Бернар решил в свои пятьдесят лет – зрелый возраст для брака – жениться. Генри – дворецкий, что жил в этом доме с рождения Бернара, пользуясь своим положением, нашел тихую скромную, но самое главное – добрую магессу, её бабушке дал огромную сумму золотых, граф предложил магессе руку и титул, а вот сердце так и не откликнулось.

Жили тихо, сын был привязан к отцу, Ирми вышивала, а дом просто молчал. Не было такого, что Бернар помнил из своего детства. Дом словно спал.

А когда родилась Софи, дом стал оживать: окна в пасмурный день светились ярче, книги на полке переставлялись, чтобы любимые Софи были под рукой Ирми.

Но три года назад Ирми простыла, не сказала мужу, сама долго лечилась, слегла. Долгих три года лечилась от сухотки – болезни, что истощает тело, иссушивает его.

Детей Бернар к матери не пускал в последни едни её жизни, она уходила в горячке и в беспамятстве.

Граф нанимал слуганок, помощниц для дочери, но магический дом графа Бернара Говарди не принимал магов и магесс с чёрствым сердцем и с меркантильными помыслами. То замки сразу становились ржавыми, то лестница, ведущая на второй этаж, скользкой, то вода в кружке в руках гостя начинала кипеть.

Это Бердар видел сразу.

Иногда он оставался на ночлег у любовницы – светской красавицы – Тамилы, и тогда дом обижался: начинал сильно скрипеть половицами, как ребенок, который тыкает в плечо: «Эй, я тут».

- Я знаю, ты грустишь, когда я дома не сплю, прости. Я исправлюсь, - разговаривал маг с домом.

Бернар любил свой дом, в нем он чувствовал себя защищенно, уютно, комфортно. Однажды дом даже лечил его: хозяин простыл, и дом ухаживал за ним. Одеяло становилось тяжелее, чтобы лучше греть, воздух наполнялся запахом лаванды и мяты, вода на прикроватном столике не остывала, оставаясь комфортной теплой.

«Дом с душой» – так говорила мама, а еще она говорила, что он стал живым, потому что видел слишком много любви.

Бернар прислонил лоб к стеклу, подул на поверхность, образуя конденсат, провел пальцами, рисуя маленький квадрат – домик, сверху треугольник – крыша, увидел силуэт сына. Двенадцатилетний Фред заходил в ворота, пиная шишку, сплёвывая на землю, подражая соседскому пятнадцатилетнему хулигану Тому Фимусу – местному главарю подростков.

Граф сжал челюсти, пошел встречать сына.

- Когда-то на месте, куда упал твой плевок, росли розы, посаженные бабушкой.

- Ооо, ты дома. И тебе привет.

- Привет. Сын, уважай дом и себя. Твой внешний вид – вид оборванца и бездельника.

- Сам учил меня...когда-то... что по костюму лишь встречают.

- Да. Но красив тот маг, в котором и костюм, и магия прекрасны.

- Ладно, не буду больше плевать в наших землях, – сказал подросток, чтобы от него отстал отец и пошел к себе.

Бернар промолчал, сжимая кулаки, понимая, что сын отдалился от него.

- Сын, поговорить не хочешь?

- А что с любовницей наскучило разговаривать? Темы исчерпал? – не останавливаясь, выпалил Фред, хлопнув дверью от своей комнаты.

Бернар понимал, что последние три года он пустил жизнь на самотек, часто отлучался, не ночевал дома. Сын вырос? Он же еще ребенок...Он, конечно, мог схватить, всыпать ему магией, но понимал, что надо чем-то другим воздействовать.

Сердце громыхнуло, он пошел в комнату к сыну. Остановился у двери, осознавая, что не знал, о чем поговорить, что спросить, что рассказать. Да.

Пошел в спальню к пятилетней Софи. Девочка спала в обнимку с куклой, была бледная и очень худенькая. Отец поцеловал её лобик, поправил пряди, подторкивая одеялко под худенькие плечики.

«Надо найти эту тетю Надию, пусть она будет не замужем, детям нужна мать».

7.

Генри появился глубокой ночью, граф сидел в кабинете, ожидая своего дворецкого, того, кто, можно сказать, заменил ему отца. Родителей не стало, когда Бердар ещё учился в Королевской Академии, а после смерти отца принял должность Верховного судьи. Его родовая магия распознавала ложь, считывая по телу, что позволяло дела решать быстро и честно.

- Бернар, - зашел в кабинет к своему хозяину Генри, - я всё узнал.

Граф магией отодвинул кресло, приглашая своего помощника, достал второй бокал, налил вино.

- Спасибо! – глотнул Генри ягодный крепкий напиток, усаживаясь. - Нам повезло! Надии – девятнадцать.

- Боги! Она ещё ребенок! Это исключено! Какая женитьба? Её саму воспитывать ещё надо.

- Уже девятнадцать, совершеннолетняя, давайте рискнем, Софи точно будет с ней лучше, чем с сухой гримзой Литицией, про Фреда я, конечно, не знаю.

- Вот-вот, они будут как брат и сестра.

- Да, хоть бы так, упустим мальчика.

- Что еще?

- Она год живет в монастыре.

- Монашка?

Бернар аж подскочил.

- Вынужденная мера. Бабуля, чувствуя свою смерть, отдав все сбережения, пристроила Надию в монастырь Ячин, девушке еще восемнадцати не было, там учат магесс письму, рисованию, игре на музыкальных инструментах, пению, ну, понятно, что песни соответствующие, но эта школа, единственный такой монастырь. И там нет пострига. Выпускницы сами решают: оставаться при монастыре, или идти к богатым и сильным магам гувернантками, учителями искусств.

- Они же до двадцати одного года учатся.

- Я уже с настоятельницей поговорил, заплатил, вы уже муж и жена, только у короля печать поставить осталось, но это вы уже сами на приеме сделаете.

Бернар подскочил.

- Ты в своем уме? Трое детей будет в доме. Еще и монашка. Ты в уме? Сам бы и женился!

- Матушка сказала, что там «бестия в юбке», лазает по деревьям, корчит рожи учителям.

- Боги! И зачем она тут? Зачем моей Софи такая мама?

- Софи как раз и надо немножко жизни хоть почувствовать, а то как тень уже. Надия – девушка очень добрая по словам настоятельницы.

Граф облокотился локтями на стол, уперся подбородком в кулак, принимая решение.

- Она к завтраку прибудет уже.

- Что?

- Дом притих, слушает, чувствуешь, Берни? Давай рискнем, самому уже тошно, болезнью всё пропахло, прости, Ирми, конечно, но давай рискнем, а. Развестись не долго, имея такие связи, как у тебя, дадим ей мешок золота, если не получится.

- Как я выгляжу, Генри? Сильно старый?

- Тебе шестьдесят три всего, твои родители поженились, когда отцу...

- Да, было сто тридцать, а маме - сорок восемь. Фууу. Неожиданно как-то, ладно, я с рассветом отлучусь, у короля возьму три выходных, объясню ему всё. Оставлю за себя Зрида, дела там несложные, справится.

8.

В голове было столько информации, и вся она роилась, смешиваясь с внутренними проживаниями: смерть, будущее моих родных, Ангел, чьё присутствие слышу и сейчас, красавица, что оказалась Богиней Дамагии. Магического мира...где не просто люди, а маги.

И я буду магессой, буду владеть магией, создавать одежду...как это всё? Как? Как магловская волшебница Гермiona из фильма? Мы смотрели его раз пять с дочкой. Мила, моя Мила...как здорово, что она вышла замуж. Я люблю тебя всегда, в каком мире бы я не была. Счастье тебе, моя Ляля.

Я очутилась в карете, дверь открыл какой-то симпатичный ухоженный седовласый мужчина в строгой одежде: приталенном длинном пиджаке, брюках и начищенных черных ботинках.

«Уже всё? Я магесса? Это мой муж?»

- Надия, рад приветствовать во владениях графа Бернара Говарди, ваш супруг на приеме у короля, скоро будет. Давайте руку, вы как раз к завтраку подоспели, познакомьтесь с детьми.

Сердце стучало даже в горле. Глаза добрые у этого дяденьки, уффф. Я протянула руку, уставившись на свою ладонь: нежная ручка с розовыми аккуратными ноготками.

- Меня зовут Генри, я дворецкий, не бойтесь, милая Надия, я вам помогу.

- Спасибо!

Я вылезла из кареты, путаясь в подоле длинного платья темно-серого цвета, с головы свисал платок, нет – головной убор монахини.

- Монашка?! – вырвалось у меня непроизвольно.

- Настоятельница мне рассказала ваш секрет, Надия.

Я подняла глаза на мужчину.

- Я знаю, что вы бы не остались при монастыре после окончания. Вы хотели учить магов, вот вам и предоставился такой случай, племянники нуждаются в вас.

«Так и взяли бы учителем, замуж-то зачем?» - я начала волноваться.

- Но нам ждать нельзя, вам девятнадцать, за два года Софи и Фред потеряют себя.

«Девятнадцать???!!!! Мне – девятнадцать! Меньше, чем Милане. Ни хрена себе!!!! Даже не знаю, радоваться или огорчаться? Радоваться, однозначно!»

Я не материлась, в отличие от моей Оли, но тут в голове выстроились трехэтажные в очередь.

Мы подошли к высокому красивому забору, Генри отворил ворота, пропуская меня.

Перед домом был разбит парадный вход в виде полукруга, по краям, видимо, были когда-то клумбы, сейчас просто трава.

Дом. Вот ты какой! Двухэтажный из бледно-бежевого известняка с вкраплениями темного гранита, высокие окна с дубовыми рамами и винтажами в верхних секциях, темно-коричневая крыша, на двери герб.

Дом не кричал о богатстве, не такая у него цель – не такая.

Я уставилась на него, беззастенчиво разглядывая.

«Ты красивый! Шепчешь о тех, кто жил тут и соблюдал традиции, помнишь тех, кто любил тебя и друг друга».

Откуда я это знала? Интуиция, наверное.

Мне показалось, что крыша приподнялась чуть. Я уставилась на неё, тряхнув головой.

Генри стоял рядом, молчал, давая возможность мне прийти в себя.

Он указал на дверь, предлагая мне открыть. Как будущей хозяйке, наверное...

Ладно. Я взялась за деревянную резную ручку, она под рукой становилась теплее, я непроизвольно погладила дерево в ладони, шепнув: «Спасибо!».

Мужчина внимательно смотрел на меня.

«Прими меня, красавец, прими и полюби свою новую хозяйку, я обещаю беречь тебя, содержать в чистоте», - держа ручку двери, я говорила мысленно с домом.

Мы вошли в холл. Просторно, но безжизненно, здесь же двое детей, где шум, визг?

- Вы голодны, Надия?

- Я бы позавтракала с детьми, да.

- Пойдёмте.

Мы прошли в столовую, за столом сидел подросток, класс седьмой-восьмой, вскинул глаза на меня, откинулся на спинку стула, перекрестил руки на груди. Ага, занял оборону. Пубертат... что ж... и не с такими имела дело.

- Фред, это Надия – жена отца, сестра твоей мамы. Она бу..

Не успел договорить, Фред продолжил:

- Монашка? Интересно! Ну, проходи, расскажешь, тетушка, как жилось тебе в монастыре, сколько лет-то тебе, молодая?

Ничего себе, а парнишка-то борзееет...

- Фред, мне девятнадцать, жилось хорошо. А тебе сколько?

Я села за стол, вытерла руки хлопковой влажной салфеткой, что протянул мне Генри, разглядывая сервировку. Стол был накрыт на пятерых.

- Двенадцать, на днях уже тринадцать.

В это время домой пришел Бернар, он почувствовал, что дом ожил, но притаился пока. Граф не проходил в столовую, спрятавшись у стены, слушал диалог сына и Надии.

- Фред, не называй меня тетушкой. Маму я вряд ли тебе заменю, а вот быть наставником, помощником, подругой – это можно попробовать. Обращайся ко мне по имени.

Бернар, подняв брови удивленно, кивнул, слушая дальше.

- Надия, а в монастыре одни девушки?

- Да, Фред.

Бернар отметил красивый нежный голос, что лился спокойно и плавно, а главное – уверенно. Той скромности, даже в голосе, что была у Ирми, не было у её младшей сестры. Это порадовало графа.

- А ты в курсе, чем отличаются мужчины и женщины?

Этот малец хотел меня вывести из равновесия, нагло себя вел, умышленно ставя в неловкую ситуацию... меня сорокаоднолетнюю женщину... в душе.

- В курсе.

- О, и поэтому предпочла моего отца? За большие деньги или за большой... хм-хм...

Бернар хотел выйти и вмазать сыну, но услышал:

- Фред, я понимаю, что в твоём возрасте мысли все ниже пояса, это говорит лишь о том, что у тебя нет подружки... пока. Качай мозги, пока сердце свободно. И, выбирая между большим сердцем и большим чл... гмм, как ты сказал: «хм-хм», я предпочту доброе сердце у мужчины.

- А ты забавная!

- Ты тоже!

Бернару захотелось её увидеть, мужчина улыбался.

Но тут Литиция привела в столовую Софи.

- Софи, поклонись и поздоровайся с новой мамой, - безэмоционально и четко, как по инструкции, произнесла женщина, чуть подтолкнула малышку в плечо.

Маленькая бледная девочка, со светлыми кудряшками, лет пяти-шести, наклонила головку, присела, тихо произнесла:

- Здравствуйте, новая мама.

Сердце облилось кипятком. Голубые глаза на бледном болезненно-худеньком лице смотрели на меня, словно ждали чуда.

Я соскочила со стула, подошла к малышке:

- Софи, привет, да, я твоя мама теперь.

Я решила не бояться в этом доме никого, я помогу этой малышке, какой бы отец у нее не был. Решила не тянуть, приступить к роли мамы сходу, сразу, прямо сейчас. Девочка робко улыбнулась. Я обняла ребенка, руки сами потянулись к ней, сжимая хрупкое тельце.

- Это что? Корсееет?

Я была в шоке.

Суровая мадам, не поведя и бровью:

- Так положено.

- А вы сами почему не в нём?

- Мне не положено.

- Она же ребенок! Как есть можно в таком? Тут кусок не пролезет в горло, а ниже горла и подавно. А бегать, гулять?

Бернар округлил глаза, свел брови, осмысливая слова юной Надии.

- Генри, Фред, кто-нибудь может проводить нас. Софи, пошли переоденемся, я тоже сменю свой наряд, совсем неуместный сейчас.

Фред поднял веселый взгляд на Литицию. Та поджала губы.

- Я провожу, - низкий мужской голос с хрипотцой заполнил столовую, заходя в помещение.

И мы уставились друг на друга, рассматривая.

Я была в свободной монашеской одежде, лишь мое лицо было доступно его взору. Мне бы самой посмотреть на себя. А вот я за несколько секунд увидела все, что хотела:

Так, муж мой, похоже. Ему лет сорок, или около того, красив, темноволос, щетина такая брутальная, четкая линия скул, рот сжат – привычка сдерживать эмоции. Глаза – серые? Голубые? Потом рассмотрю... Брови сведены к переносице, смотрит свысока, руки уложенные. А... граф же, но не мягкие, шрам на пальце. Темно-синий костюм без намека на броскость: строго и дорого.

Он молчаливо ожидал моего шага, и был властно убедителен в своей мощи. Могуч и красив.

Софи еле – еле сжала мою руку, давая о себе знать.

- Спасибо! – сделала я шаг вперед.

Мы с Софи шли за хозяином дома, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Да, моим мужем. Я разглядывала его: спина прямая и широкая, но не напряженная, походка уверенная, медленная - ждет нас, задница упругая.

Я улыбнулась, поднимаясь, трогала перила, нет – гладила их, рассматривая всё по сторонам, опустила взгляд на Софи и подмигнула ей, она улыбнулась, еще несмело, но уже увереннее.

«Я уже люблю эту девочку». Я сжала её ручку крепче.

И тут с картины, на которой была изображена красивая пара - наверное родители графа - вылетело что-то, похожее на перышко, я остановилась.

- Вы это видели? Из картины что-то вылетело! – я прошептала, указывая на портрет.

- Вам показалось, - буркнул Бернар.

Я посмотрела на ребенка. Софи промолчала.

- Это комната Софи, ваша – напротив, там вещи Ирми, берите, что хотите. Я Бернар.

- Спасибо, мы переоденемся и спустимся. Я Нади.

Я закрыла перед мужчиной дверь. Он опешил, похоже. Да и ладно, переживет граф, тут его ребенка ремешками затужили, а он не в курсе.

Я быстро стала развязывать тесемки, что держали корсет на теле девочки.

- С этого дня никаких корсетов, лишь легкие красивые платья.

Софи выдохнула, стоя в панталончиках, чулках, легкой сорочке.

- Софи, подожди, я тоже сниму свой наряд.

Снимая с себя вещи, я не понимала, как же мне сделать платья себе и малышке.

- Софи, у меня магия по созданию платьев, я ей не пользовалась давно, была в монастыре же, как мне создать...

- Просто представь, направь магию на объект, произнеси заклинание, - тихо, но со знанием дела произнесла маленькая магесса.

Я была в легкой хлопковой серой сорочке, взяла за руку Софи, и мы подошли к зеркалу.

Я увидела себя. Непроизвольно охнула, выдохнув шумно.

Из отражения смотрела на меня юная красивая девушка. Волосы светлые, как первое утро лета. Не золотые, не серебряные, а цвета спелого оттенка пшеницы, глаза голубые, в них ещё плескалась детская непосредственность, но скоро добавится и моя житейская мудрость. Кожа. Я провела рукой по плечу – безупречно гладкая, фарфоровая, с легким румянцем на высоких скулах, губы нежные розовые, чуть приподнятые в полуулыбке, плечи покатые, пальцы длинные, но не слабые, грудь полная, размер третий, талия узкая, бедра широкие. Я красива. Я попала в тело принцессы.

- Ты красивая, - услышала я голосок Софи.

- Софи, мы с тобой красивые. Ты видишь же, как мы похожи.

Она и в правду была похожа на меня нынешнюю, белокурая такая же и голубоглазая.

Я положила руки на плечи девочки, представив на ней голубое платьице, с белым кружевным воротником, белым широким поясом, рукавами три четверти, юбкой ниже колен, открыла глаза. Софи уже жадно смотрела в отражение.

Я ощутила невероятный азарт и кайф.

Представила что-то наподобие и для себя, сделав вырез у платья женственно круглым и без воротника, открывая немного область декольте, распустила волосы, что струились до пояса, собрала их в низкий хвост.

- Пошли завтракать, моя красивая Софи.

Она кивнула, широко улыбаясь.

Бернар не узнавал дом, он оживал. Магия внутри мага отзывалась на такие изменения, теплом струилась по венам.

«Пусть на подольше задержится эта Нади тут...прошу», - мысленно обращался граф Богам.

За столом сидели Генри, Фред и Бернар.

- Сын, веди себя с Нади достойно, она юная и неопытная, и она нужна Софи.

- Да нормальная она, мне понравилась.

Все сидящие за столом мужчины обернулись на движение нежно-голубых облаков, что спустились по лестнице.

Бернар моргнул, еще раз. Его дочь, как ангелочек, улыбалась, и Надия, юная прекрасная девушка, крепко держала Софи за руку, легко ступала по ступеням и совсем не была похожа на монашку. Совсем...

Фред, потеряв дар речи, без стеснения упал взором в декольте, платье красиво подчеркивало молочную полную грудь, потом осмотрел лицо, волосы, руки своей тёти.

Я посмотрела парнишке в глаза, улыбнулась:

- Фред, приятного аппетита.

- Лучше бы ты была в костюме монашки.

Я подняла взгляд на Бернара. Он тоже переводил взгляд от груди на глаза, волосы и лицо.

Зашла в столовую Литиция, разлила в кружки горячие напитки, хмыкнула, глядя на меня.

У Софи из ложки упала каша на платье. Она сжалась, поднимая плечики, виновато посмотрела на Литицию, отца, тихо убрала прибор, выпрямила спину, наклонив голову в тарелку. Отец по-доброму улыбнулся.

И всё?

Я посмотрела на девочку:

- Софи,- тихо начала.

Она подняла на меня глаза, полные отчаяния, вины, своей никчёмности.

Я взяла в руки её тоненькие ладошки.

- Софи, ты же дома, в кругу семьи, а дом – это то место, где ты можешь быть любой, а в кругу своих родных, будь такая, какая ты есть. Дом – это место, где защита и уют. За завтраком в кругу семьи можно есть так, как ты бы ела одна, например, вот так. Еда ведь удовольствие, а в кругу семьи – особенное.

Я взяла кусок хлеба, намазала его толстым слоем джема и откусила почти половину, закрыв глаза, промычала от наслаждения, облизала палец, на который чуть попала вкусная сладость.

- Расслабься и ешь, как хочешь, ты дома... понимаешь, дома... У короля будешь стараться, а дома можно и расслабиться. Подумаешь, каша упала. Да, Фред?

Я подняла взгляд на юного мага.

Он улыбнулся мне, положил кусок мясной вырезки на хлеб и откусил с удовольствием, подмигнув сестре.

Я ела, нахваливая кухню, Софи подключились к трапезе.

Будь, что будет. Может, мне её отец потом прочитает правила поведения за столом, но я видела только девочку пугливую, потерянную и очень худенькую, и с этим надо было что-то делать. А я мама, да.

Бернар и Генри впервые увидели, что Софи съела всю кашу и бутерброд с маслом и джемом. Сами уплетали с удовольствием завтрак, то и дело бросая взгляды на Надию и на Софи.

- Софи, иди в комнату. Надия, а нам надо поговорить. Фред, у тебя через пятнадцать минут занятия, - спокойно, но строго сказал отец.

- Знаю. Надия, если бы ты не была замужем, я бы женился на тебе, но, если что-то пойдет не так, имей ввиду, я тоже граф.

Я улыбнулась, понимая, что сын провоцирует отца. Бернар сжал челюсти.

9.

Софи встала из-за стола, кивнула отцу и пошла. Наверное, к себе.

Мне было её жаль, я чувствовала её одиночество всем своим существом.

Почему-то именно сейчас я вспомнила фразу, которую увидела случайно, лет пять назад, кажется, листая ленту в телефоне в перерыве между занятиями: «В Библии есть фраза, которая повторяется триста шестьдесят пять раз. Это фраза: «Не бойся...».

Я чуть задержала дыхание, слушая себя, принимая решение: быть смелой, честной, открытой...и не бояться! Да!

- Надия, пройдем в мой кабинет, по пути я покажу тебе дом.

Граф обращался ко мне на «ты», а я почему-то не могла, и не в возрасте дело, осталась бы я в своем теле – мы может и ровесниками были...я чувствовала дистанцию между нами, причем немалую.

- На первом этаже столовая-гостиная, где мы завтракали, рядом кухня, здесь же библиотека – воон та комната с круглой ручкой, напротив - музыкальная гостиная, ручка в форме ноты. Отец мой играл на рояле, давно там ничего не устраивали...давно.

Мы поднимались на второй этаж.

- Рядом с комнатой Софи – твоя комната, она просторная, смежная с ней - твоя спальня и будуар там же. Скажешь, что нужно из интерьера, одежды и женских вещичек мне или Генри. Далее комнаты Генри и Фреда, это - моя спальня, а вот и мой кабинет. Во дворе есть площадки: спортивная и игровая. Это уже можешь сама посмотреть, хозяйничай, ты с сегодняшнего дня графиня Говарди.

Бернар утаил от Надии то, что дом принял её, сам же граф был от этого в великой радости и вдохновении.

Я шла за его спиной, думая о Софи, и о том, что мне не очень-то понравилось, что у мужа и жены разные спальни. Ни намеков, ни полутонов, ни заинтересованных мужских взглядов на меня, как на жену, я вообще не улавливала. Или у него кто-то есть или он в трауре по покойной жене.

Мы прошли в просторный кабинет. Просто огромный, надо сказать – кабинетище. С диваном во всю стену, большим прямоугольным столом с глянцевой столешницей, у стены шкаф с несколькими книгами и бар.

«Ну, ясно, мужская берлога».

Я села в кресло у стола, Бернар – в своё за столом, доставая тут же из ящика бумаги.

- Надия, с сегодняшнего дня мы супруги. Ты очень молода, я понимаю, гм-гм... а тут двое детей на твои плечи, я буду очень признателен, если ты сможешь с Софи поладить. У неё магия ещё спит, она никому не доверяет, надежда на тебя.

«Я и есть Надежда вообще-то».

- Я постараюсь.

- На Фреда не обижайся, он...

- Подросток, я и не обижаюсь.

- Кто?

- Так говорят в монастыре о переходном возрасте от детства к юности, возраст от 10 до 14-15 лет.

- А, понимаю, я запустил его, годы были сложные.

«Наверное, он ухаживал за больной умирающей женой».

Я кивнула.

- Я редко был дома в последние годы, работал много...вот здесь подпись поставь.

Я распилаась в том, что я теперь Надия Говарди.

- Ну, постарайтесь быть почаще... ради сына, - я пожала плечами.

Что тут сказать, во всех мирах одно и то же: дети обижаются на то, что родители им мало уделяют внимания, не участвуют в их жизни, не делят с ними радости, победы, переживания, и так далее и далее. Плавали-знаем...

Бернар задержал на мне взгляд. Смотрел...осмысливал что-то.

«Ухх...красив, мужик. Серо-зеленые глаза...сам темноволосый, красивое сочетание».

Я тоже смотрела на него, чувствуя, что уши и щеки начали гореть, я сглотнула - шумно вышло. Он прошелся взглядом по губам, увидел, наверное, мою неловкость, взял у меня документ, опустил глаза в него.

- Надия, Софи уже год не занимается с учителями, стала быстро уставать, плакала часто во время занятий, попробуй ты сначала с ней, а потом подключим и учителей-магов. У Фреда день расписан. Я завтракаю дома, обедаю на работе, ужинаю...

Муж мой взял паузу, я подняла глаза на него.

- По ситуации, ночью иногда не дома.

И тут меня затопила обида, даже ощутила какой-то внутренний дискомфорт.

Значит, никакая не утрата по жене.

- А что на любовнице не женились, зачем этот фарс? – выпалила и замерла, поняв, что сморозила, не подумав.

Он наклонил голову вбок, поднял бровь, выжидал, смотрел исподлобья.

«Щас магией своей графской мне рот зашьёт навечно».

- Нади, вы слишком юны так рассуждать, и непозволительно дерзки. Мужчине без женщины сложно, вам этого не понять.

Перешел на «вы», явно указывая на дистанцию между нами.

- Ага, - тут «Остапа понесло», - если бы вы болели, а ваша жена гуляла, потому что ей без мужиков сложно, каково вам было бы?

- Очень дерзки, Надия. Так вас в монастыре учили разговаривать?

- Нас не учили в монастыре разговаривать с мужьями, считайте это моим врожденным природным талантом.

Он чуть поднял губы в улыбке, похоже сдерживал её, сверля меня глазами.

«Кобель...еще один на мою голову...карма, похоже. Ладно, воспитаем Софи, это у меня уже точно получится хорошо, даже не сомневаюсь. А дальше...поживем - увидим».

- У меня просьба, мужжж, - произнесла его статус с явным акцентом.

- Слушаю, - цокнул граф, качая головой, словно разговаривает с нерадивым дитятей.

- Литиция вам кто?

- Служанка.

- Можно её рассчитать и отпустить? Она пугает Софи.

- Литиция смотрела за детьми и готовила на всех.

- Я буду это делать.

Бернар вскинул глаза, удивленно уставился, даже выставил грудь чуть вперед.

- Ты сможешь?

«Бля...накормить семью и посмотреть за детьми, граф, это для земной женщины - пустяки».

- Да, смогу. А уборку в доме?

- За порядок отвечает Генри. Он расскажет, когда он сдает вещи в прачки и когда их забирает чистыми.

- Генри убирает весь дом?

Бернар снова удивленно на меня посмотрел.

- Он сильный бытовик, да. Литицию сегодня отпущу домой. Всё, Надия?

- Да. Сегодня на ужине будете, на вас готовить?

Бернар вспомнил, что обещал Тамиле поход в королевскую ресторацию, места забронированы были еще неделю назад.

- Нет, сегодня у меня деловая встреча.

Я никак не отреагировала внешне, хотя в душе «кошки заскреблись», понимая, что Бернар предпочел провести вечер не дома, а с ней.

Я вышла из кабинета.

У него женщина есть... и не скрывает даже, любит её, наверное. Жениться не может на ней... Она замужем? Фу-фу, хорош мусолить его, я молода – это бонус шикарный. Надо бы Генри попытать про Дамагию, про свою магию как-то спросить. Я боялась злоупотреблять ею, вдруг меня платья поглотят, вещизм сгубит, стану шкафом каким-нибудь. Да, и Софи вывести на прогулку пора. О, и обед приготовить предстоит.

Генри мне показал холодильный шкаф, улыбался всю дорогу, демонстрируя кухню – радовался, что я сама готовить буду и что Литиция здесь больше не живет.

- Софи, покажи мне двор, пожалуйста, папа говорил, что у вас площадки есть.

Малышка кивнула, сама взяла меня за руку, и мы пошли.

Бернар смотрел на них из окна кабинета, внимательно рассматривая красивые белокурые волосы в простой причёске Нади, её походку, тонкие запястья, спину прямую, то, как она погладила дочь по голове, как ей улыбнулась. Проводил их взглядом до угла. Его молодая жена и дочь скрылись.

Граф прислонил руку к стене дома:

- Понравилась тебе Нади. Чувствую, что понравилась...

10.

Сразу за домом была небольшая площадка с коротко стриженной травой – ровным красивым газоном, одним словом. На ней всего две качели и круглая беседка, а рядом была хорошо оснащённая площадка, огороженная невысоким забором, с большим количеством спортивных тренажёров, беговая дорожка, полоса препятствий даже.

- Здесь занимается Фред, это поляна зачарована, сама подстраивается под спортивные состязания.

Я обернулась, совсем не заменила, как к нам присоединился Генри.

- Вот это два высоких каменных обелиска, они служат воротами, на их вершинах горят вечные огни, освещая полигон в сумрак. Вместо сеток – плетеные магические барьеры, прозрачные, как стекло, но упругие, как паутина великого лесного паука. Здесь Фред оттачивает свою магию и укрепляет физическое тело. Юный граф очень силен магически, как и отец.

До меня дошел запах медуницы, запах моего детства и прошлой жизни. Я вдохнула глубоко.

- А за полигоном что?

- Ничего, там когда-то, очень-очень давно, был сад, сейчас - заросший двор.

- Я хочу туда!

Меня манил заросший сад.

- Можно?

- Надия, ты тут хозяйка, эта земля твоя.

Мы с Софи пошли навстречу приключениям, по-другому не скажешь.

- Я там не была ни разу, - прошептала таинственно и очень воодушевленно девочка.

- И я! – так же таинственно, подыгрывая Софи, сказала.

Мы открыли калитку, и тут же в нос ударил запах диких растений. Мне бросился в глаза заросший прекрасный сад. Природа взяла свое, плющ оплел каменную оградку, превратив её в живую крепость, дикий виноград раскинул свои лапы под старой беседкой, что стояла неподалеку, создавая шатер из листьев. Я увидела тропинки из когда-то аккуратно выложенных камней, но теперь они утонули в земле, и между ними проросли ромашки и клевер, а кое-где яркое синие незабудки. Мы шли медленно по тропинке, крутя головами по сторонам, мне трава была выше колен, а Софи доставала до пояса, а местами - до плеч. Девочка восхищённо вздыхала, жадно высматривая каждый цветок. Щечки её покрылись румянцем. Генри шел за нами.

- Я сам сюда уже не заходил много лет, - дворецкий тоже крутил головой, созерцая сад.

Мы попали в царство цветов. Я аж охнула. Розы стали дикими, их бутоны были маленькими, но очень ароматными - благоухали, стебли переплелись с ежевикой, создавая колючие, но очень живописные заросли. В тени кустов росла мята и мелисса, я наступила неосторожно на куст лимонника – и воздух мгновенно наполнился свежестью. Мы дошли до раскидистого огромного дуба, под ним стояла покосившаяся скамья, её дерево посерело от времени, но было ещё крепко. Я наклонилась, провела рукой по скамейке, убирая веточки, а Генри провёл рукой над сиденьем, и она стала абсолютно чистой.

- Спасибо! Здорово! – я была поражена мастерством мага.

Мы втроём сели на скамейку, Генри опустился рядом с малышкой. Мы с Софи крутили головами, ощущая себя в каком-то царстве.

Тишину нарушали шорох ящериц в траве, жужжание шмелей, шелест листьев, скрип ветвей яблони, давно одичавшей, с маленькими ещё не созревшими плодами.

Мне здесь очень нравилось, захотелось – нет - не облагородить сад, а наоборот, оставить в таком виде, построить шалаш какой-нибудь и приходить сюда. Здесь словно время остановилось, или нет – шло, но очень-очень медленно. В саду не было порядка, но была самая насто-

ящая природная гармония, не было ухоженности, но был уют, который создала сама природа. Здесь словно в каждом уголке притаилась сказка.

- Как же здесь хорошо! - я расставила руки ладонями к небу, подняла лицо солнцу, глубоко и медленно вдохнула.

Софи уже соскочила с лавочки, копошилась, разговаривая с кем-то в ворохе трав.

Мы с Генри встали со скамьи, согнулись, подглядывая за малышкой.

Она маленькими пальчиками, нежно касаясь, гладила пушистую толстую гусеницу.

- Софи, это кто? – я шёпотом спросила.

- Это гусеница, скоро из неё получится павлинион – самая красивая бабочка, верх будет вишнево-красный, а низ - черно-бурый.

- Какая ты умница! Я не знала.

Софи впервые засмеялась, села на коленки, забывая про внешний вид, высматривая ещё каких-то букашек.

Мы с Генри посмотрели друг на друга. Он одними губами произнес: «Спасибо».

Мы нарвали с Софи букетики коротких полевых цветов, пошли домой.

- Софи, сможешь мне приготовить обед, нам надо накормить мужчин?

- Я? – она выручила глаза.

Малышка была такая смешная, с грязными коленками, выбившимися прядками, но раскрасневшаяся и довольная.

- Да, мне нужна помощница, Литиция с нами больше жить не будет, и мы с тобой одни хозяйки в доме.

Похоже новость про Литицию и Софи очень обрадовала.

- Конечно, помогу. Мама....

Я почувствовала ком в горле, подхватила её на руки и понесла, удобно расположила её ноги по бокам, поддерживая под попу, она обхватила меня за шею и засмеялась.

Я только ступила на крыльцо, дверь отворилась, и из дома вышел Бернар. Он был одет в белоснежную рубаху, черный парадный фрак и классические черные брюки.

Граф выдохнул от неожиданности, осматривая нас.

- Пап, мы нарвали с мамой цветы, были в заброшенном царстве! Я видела гусеницу павлиниона.

Бернар открыл рот, намереваясь что-то произнести, но я быстро прошла мимо, унося себя и его дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.